

Е. К.

ЛИЦА

Е. К.

Лица

«Автор»

2026

К. Е.

Лица / Е. К. — «Автор», 2026

Они живут в мире, где зеркала показывают чужое «я». Город не отражает — он подменяет. Виктор, Ольга, Николай и Виктория не знакомы. Их объединяет одно: однажды их отражения перестали им подчиняться. Теперь по улицам ходят тысячи копий, улыбающихся чужими улыбками. Четверым предстоит пройти через лифты-ловушки, треснувшие зеркала, забытые зеркальные комнаты и подземелья, где хранятся старые души. «Лица» — мрачный лабиринт идентичности, где правда страшнее лжи, а отражение опаснее оригинала. Книга, меняющая взгляд на зеркало. «Посмотри внимательнее. Это не твое лицо».

© К. Е., 2026

© Автор, 2026

Е. К. Лица

Часть 1. НАЧАЛО РАСПАДА

Глава 1. Зеркало в лифте

Виктор нажал кнопку первого этажа.

Лифт, старый, с потёртой до блеска латунной панелью, ответил глухим стуком, будто где-то в шахте сдвинулась не шестерёнка, а кость. Он знал этот звук. Жил здесь третий год, и лифт всегда звучал именно так — по утрам особенно, когда механизмы ещё не прогрелись после холодной ночи. Но сегодня в этом стуке было что-то иное. Какая-то интимность. Будто лифт не просто сработал, а отозвался на его присутствие лично.

Двери со скрипом, похожим на предсмертный хрип, захлопнулись, отсекая его от мира лестничной клетки с её вечным запахом — котёнок, пыль и тление. Кто-то из соседей опять не вынес мусор, и аммиачный дух разлагающейся органики пропитал стены настолько глубоко, что даже хлорка во время уборок не брала его. Виктор уже привык. Как привыкают к хронической боли — перестают замечать, пока она не становится невыносимой.

Внутри пахло иначе: озоном от искрящейся проводки, ржавчиной и чуть уловимым, сладковатым запахом гвоздики — как в похоронном зале. Этот запах он тоже узнавал. С детства. Бабушка, когда провожала его в школу, всегда душилась гвоздикой. Дешёвым одеколоном из ларька у остановки. А потом, когда она лежала в гробу, в маленькой деревне под Уссурийском, гвоздика смешалась с формалином и воском, и этот коктейль врезался в память навсегда.

Обычный понедельник, девять утра.

Виктор прижал к груди потёртый кожаный портфель, внутри которого булькал в термосе дешёвый растворимый кофе, а в кармане пиджака отдавали холодом ключи от съёмной однушки. Он машинально проверил карманы: портфель, телефон, ключи, пропуск. Всё на месте. Ритуал, который он повторял каждое утро, потому что однажды забыл пропуск и простоял на холоде сорок минут, пока охрана не сжалилась.

Он машинально поправил галстук — узел съехал, будто пытался задушить своего хозяина. Этот галстук, бордовый в тонкую полоску, был куплен на распродаже три года назад, когда Виктора повысили до старшего аналитика. Повышение означало прибавку в десять тысяч и обязанность носить «деловой стиль». Галстук он ненавидел. Каждое утро, завязывая его, Виктор чувствовал, как что-то внутри затягивается вместе с узлом.

Бросил взгляд в зеркало, мутное, в серебряных подтёках, занимавшее всю заднюю стенку кабины.

Это был не он.

Виктор не понял этого сразу. Сначала сознание услужливо подсунуло знакомую картинку: знакомый овал лица, та же недельная щетина, которую он всегда сбрасывал по вторникам и пятницам, но к понедельнику она уже отрастала колючей щёткой; те же тени под глазами от бессонных ночей над отчётами. Всё как обычно. Всё на своих местах.

Но потом детали поползли, как трещины по льду.

Лицо в отражении улыбалось шире, чем положено. Не кривилось в привычной гримасе «только бы дожить до выходных», а именно улыбалось — уголки губ ползли вверх, растягивая кожу, обнажая ровный ряд зубов. Слишком белых. Слишком идеальных. Зубы, которые не видели ни кофе, ни никотина, ни дешёвого стоматолога в районной поликлинике.

Его собственные зубы были с жёлтым налётом, несмотря на ежедневную чистку, с двумя пломбами на передних — одна откололась, и он всё никак не находил времени записаться к врачу. Во рту отражения не было ни одной пломбы. И налёта. Только эмаль, похожая на фарфор.

Глаза.

Его глаза — карие, с мелкими красными прожилками от постоянного сидения за монитором, с вечно расширенными зрачками из-за трёх чашек кофе в день — в отражении были совсем другими. Темнее. Почти чёрными. Бездонными, как провалы в угольном пласте. И в них не было усталости. Не было той плоской, бесцветной пустоты, которую Виктор видел в своём взгляде каждое утро, когда умывался. В этих глазах горело что-то живое. Опасное.

Скулы заострились, проступили под кожей, будто череп решил стать ближе к поверхности, сбросить мясо и явить миру свою истинную форму — костяную.

Виктор моргнул. Медленно, с усилием — веки опустились и поднялись, как тяжёлые шторы.

Отражение моргнуло в ответ. Но не синхронно. С едва заметной задержкой — в тысячную долю секунды. Этого не могло бы заметить обычное зрение, но Виктор видел. Он всегда видел детали. Его работа — анализ данных — сделала его одержимым мелкими несовпадениями.

И уголки того рта дрогнули иначе. Не от физического движения века, а от мысли. Словно оно знало анекдот, который Виктор ещё не услышал. Словно оно видело его будущее. И это будущее было до чёртиков смешным.

«Устал», — подумал Виктор. Он потёр виски, где уже начинала набухать знакомая тупая боль. Мигрень подкрадывалась всегда одинаково — сначала давящее ощущение в затылке, потом рябь перед глазами, потом самоотрицание: «Это не мигрень, просто выпил мало воды». Он знал эту игру. И всегда проигрывал.

Он опустил взгляд на пол, выстланный рифлёным резиновым ковриком. В углублениях застыли окаменевшие капли грязи — чьи-то ботинки принесли их с улицы недели, месяцы назад, и они въелись в резину намертво, превратившись в маленькие чёрные метеориты. Виктор сосредоточился на них, пытаясь зацепиться за реальность. Резина. Грязь. Капли. Всё настоящее.

Лифт с глухим утробным урчанием поплыл вниз.

Движение было плавным, если не считать той вибрации, которая передавалась через пол в позвоночник и заставляла зубы ныть. Виктор закрыл глаза на секунду. Открыл. В зеркале всё ещё было то лицо — его, но не его.

Между третьим и вторым этажом лифт дёрнулся.

Не просто так — не привычный рывок старого механизма, когда трос проскальзывает по шкиву. Нет. Это было резкое, грубое движение, с лязгом, будто что-то огромное и мягкое зацепилось за трос, повисло на нём всем своим весом, а потом оборвалось и упало в шахту, в темноту, в никуда.

Свет моргнул. Один раз. Потом второй. На мгновение кабина погрузилась в липкую, абсолютную тьму. И в этой тьме он услышал. Вдох.

Рядом. Так близко, что он почувствовал бы дыхание на щеке, если бы оно было тёплым. Но оно было холодным — ледяным, как воздух из морга. Тихий, прерывистый вдох, который кто-то сделал, задержал на секунду, а потом выпустил с лёгким, почти неслышным стоном.

Виктор вжался спиной в стенку кабины. Там, где по логике должно было быть зеркало, сейчас была только пустота — стекло не отражало тьму, оно само стало тьмой. Он замер, не смея пошевелиться, не смея дышать, чтобы не услышать снова.

Свет вернулся.

Жёлтый, болезненный, дрожащий — лампа мерцала, как свеча на сквозняке, отбрасывая пляшущие тени по углам. Виктор выдохнул — резко, судорожно, как человек, который только что вынырнул из ледяной воды.

Он посмотрел в зеркало.

Там было нормальное лицо. Его лицо. Знакомые морщинки-лучики у глаз, которые когда-то называли обаятельными, а теперь они говорили только об усталости и о том, что он слишком много времени проводит перед экраном без солнцезащитных очков. Та же недельная щетина. Та же бледная кожа офисного планктона, никогда не видевшая нормального загара.

Виктор выдал из себя что-то похожее на смешок. Короткий, нервный, чуть истеричный.

«Просто галлюцинация, — сказал он себе тем внутренним голосом, который всегда включался в критические моменты и звучал как диктор из документального фильма. — Переутомление. Надо выспаться. Меньше пить кофе. И бросить курить. И вообще — взять отпуск. Давно пора».

Он повторил это про себя, как мантру. Три раза. Как учил психолог на тренинге по стрессоустойчивости, который компания проводила два года назад. «Повторение позитивных утверждений перепрограммирует нейронные связи». Виктор тогда посмеивался про себя. Сейчас он был готов повторять что угодно, лишь бы зеркало не начало снова плавиться.

Лифт остановился. Двери с тем же предсмертным скрипом разъехались, открывая вид на холл — дешёвый мраморный кафель, ресепшен с вечно спящей охранницей, стойку с засохшим фикусом в горшке.

Виктор шагнул в холл. И ощутил это. Взгляд. Чужой, отчётливый, физический взгляд, который он почувствовал не глазами — кожей. Там, где заканчиваются волосы и начинается шея, в том месте, которое невозможно почесать, потому что до него не дотянуться, не изогнув руку неестественно.

Виктор заставил себя не оборачиваться. Он знал, что если обернётся — увидит что-то, после чего уже не сможет притворяться, что всё нормально. А ему нужно было притворяться. Хотя бы до вечера.

Он прошёл к стеклянным дверям офиса, чувствуя, как взгляд скользит по его спине, перебирает позвонки, считает их, как чётки. Он достал пропуск, приложил к считывателю. Дверь пикинула, открываясь.

И лишь в последний момент, когда двери лифта уже почти сошлись, в узкой щели он поймал движение. Он не хотел смотреть. Но глаза предали его — дёрнулись в сторону, поймали тот тонкий вертикальный просвет между створками.

Отражение не ушло вместе с кабиной.

Оно задержалось. В темнеющем проёме, между миром живых и миром стекла, оно стояло и смотрело на Виктора. Смотрело, как хищник на добычу, которая ещё не знает, что уже поймана.

Один глаз. В последней полоске света.

Улыбающийся.

Щель схлопнулась.

Офис дышал. Это было дыхание — мерное, механическое, бездушное. Вдох — гул десятков компьютеров, жужжание принтеров, тихое потрескивание люминесцентных ламп в пластиковых панелях потолка. Выдох — ледяной, стерильный воздух из системы кондиционирования, пахнувший химической свежестью и тоской.

Флуоресцентный свет лизал всё вокруг плоским, безобъёмным языком, вытравливая тени, превращая людей в вырезанные из бумаги силуэты. В этом свете невозможно было выглядеть живым. Кожа приобретала зеленоватый оттенок, губы — синюшный, глаза впадали. Виктор иногда ловил себя на мысли, что если бы инопланетяне прилетели на Землю и первым делом зашли в их офис, они бы решили, что люди — это разновидность плесени.

Пространство офиса было разделено на сотни серых ячеек. Столы-островки, перегородки из матового пластика, стулья на колёсиках с продавленными сиденьями. Каждая ячейка — маленький кусочек частной жизни, выставленный напоказ: семейные фотографии в дешёвых

рамках, кружки с надписями «Лучший начальник», кактусы в горшках, которые никто не поливает, стикеры с напоминаниями на мониторах. Всё это вместе создавало впечатление гигантского муравейника, где каждый муравей знает свою роль, но никто не помнит, зачем вообще был построен муравейник.

Виктор прошёл к своему столу — островку в море таких же островков. Его кресло скрипнуло знакомым протестом, когда он опустился в него. Скрип был ровно таким, как вчера. И позавчера. И месяц назад. Единственное постоянство в его жизни.

Он включил компьютер. На мониторе всплыла картинка с паролем — стандартный корпоративный экран, синий, с логотипом компании и полем для ввода. Он ввёл его медленно, по буквам, будто впервые.

Система загрузилась. Почта открылась автоматически — полный ящик непрочитанных писем. Отчёты, бесконечные таблицы, цитаты из цитат, запросы на согласование, письма с пометкой «важно», «срочно», «критично». Рутинка. Обычный понедельник. Виктор начал просматривать первое письмо, но текст расплывался перед глазами.

Теперь за каждым пикселем на экране он чувствовал тот взгляд. Тот самый, прилипший к затылку.

Виктор выключил монитор на секунду — просто нажал кнопку, и экран погас. В тёмной, зеркальной поверхности он увидел не своё лицо. Там, в глубине стекла, чудились очертания — не его лица, а чего-то другого, прильнувшего к стеклу с обратной стороны, из мира проводов и чипов. Из мира, где нет людей, только информация, текущая по венам оптоволокну.

Он снова включил экран. Кликнул на письмо. Прочитал первую строчку. Перечитал.

Цифры не складывались в отчёты. Они складывались в лица.

Он просидел так до обеда, делая вид, что работает. Кликал по ячейкам, двигал курсор, открывал и закрывал вкладки. Его пальцы знали, что делать, даже когда мозг отказывался участвовать. Мышечная память — последнее, что умирает в офисном работнике.

В обеденный перерыв он не пошёл в столовую.

Его тошнило от мысли о еде. О звуке жевания — влажном, чавкающем, стадном. О запахе общего котла, в котором варилось нечто, называемое «суп дня». О трёхстах людях, одновременно пережёвывающих, глотающих, рыгающих. Обычно он не обращал на это внимания — просто часть рутины. Но сегодня каждый звук, каждый запах бил по нервам, как молоток по наковальне.

Вместо этого он поднялся на третий этаж, в туалет, который редко кто посещал. Там был свой рейтинг: туалет на первом этаже — для клиентов, всегда занят; на втором — для сотрудников, вечная очередь; на третьем — для избранных, для тех, кто знает. Виктор знал.

Он толкнул дверь, и она отворилась с долгим, плачущим звуком — петли давно не смазывали.

Внутри пахло хлоркой и сыростью. Не той хлоркой, которой пахнет в бассейне — чистой, бодрящей. А той, дешёвой, которой посыпают пол в общественных туалетах, чтобы перебить запах аммиака. Хлорка смешивалась с грибком, который рос в углах за плиткой, и с затхлостью давно не проветриваемого помещения.

Стены были выложены крупной кафельной плиткой цвета беж. Такие плитки он видел в больницах, в школах, в старых санаториях — всюду, где люди ждут, когда закончится их время. Плитки отражали тусклый свет единственной лампочки под потолком — лампы накаливания, которую не меняли, наверное, с момента открытия здания. Свет был жёлтым, маслянистым, он не освещал, а скорее подсвечивал темноту, создавая ощущение колодца.

Виктор подошёл к раковине — самой дальней, той, что у стены, где даже уборщицы не доставали шваброй. Хромированный кран был покрыт известковым налётом, похожим на коралловые наросты. Он повернул ручку.

Он подставил ладони. Вода была ледяной, почти обжигающей. За те несколько секунд, что струи били по коже, пальцы онемели и покраснели. Он поднял голову, вытирая лицо ладонями. Кожу щипало от ледяной воды.

Лицо старухи. Оно было в зеркале.

Не его отражение, наложенное поверх, не галлюцинация, которую можно списать на усталость.

Седые, жидкие, грязные волосы, прилипшие ко лбу тонкими прядями, как паутина. Кожа — пергаментная, в глубоких морщинах, каждая из которых казалась пропахшей пылью, забытыми воспоминаниями и чем-то ещё, чему нет названия на человеческом языке. Провалы щёк, обтянутые костью так плотно, что казалось, кожа вот-вот лопнет по швам, и наружу выйдет череп — гладкий, жёлтый, вечный.

И глаза. Мутные, влажные, цвета гниющего молока. Глаза, которые видели то, чего не должен видеть никто. Глаза, в которых не было узнавания — только голод. Только желание, которое не может быть насыщено, потому что оно не от мира живых.

Виктор узнал эти глаза. Они принадлежали его бабушке, умершей пять лет назад в маленькой деревне под Уссурийском. Агриппина Степановна, восемьдесят три года, смерть от остановки сердца, хотя все знали, что сердце у неё останавливалось раз в полгода, но каждый раз заводилось снова, как старые часы, если их тряхнуть. В последний раз не завелось.

Но в бабушкиных глазах, когда она была жива, не было голода. Была усталость. И смирение. И иногда — редкие, тёплые искры, когда Виктор приезжал навестить её.

В этих глазах не было ничего, кроме голода. И ещё — радости. Страшной, нечеловеческой радости от того, что она нашла его. Наконец-то.

Рот — беззубый, запавший, тёмная впадина — растянулся в улыбке. Широкой, неестественной, демонстрирующей влажную пещеру, в которой когда-то были зубы, а теперь только дёсны.

Виктор отшатнулся так резко, что ударился спиной о кафельную стенку. Боль, острая и ясная, пронзила позвоночник, от копчика до шеи, разрядилась в затылке искрами. Воздух вырвался из его лёгких не криком — крик застрял где-то в гортани, превратился в хриплый, животный выдох, какой издают звери, попавшие в капкан.

— Какого хрена?! — наконец вырвалось у него. Звук был грубым, чужим в гулкой тишине уборной, отразился от плиток, вернулся к нему искажённым, будто кто-то другой задал тот же вопрос.

Лицо в зеркале рассмеялось.

Сначала без звука — Виктор видел, как сотрясается её худая шея, как сжимаются мутные глаза, складываясь в щёлочки, как дёргаются плечи под грязной кофтой. Смех был беззвучным, но от этого ещё более страшным — потому что мозг сам достраивал звук, и этот воображаемый звук был хуже любого реального.

А потом он услышал. Тихий, каркающий, сухой звук, словно ломаются старые ветки под ногами. Или трескается лёд на реке весной. Или кто-то очень старый и очень больной пытается кашлять, но у него получается только этот скрежет — из груди, из горла, из пустоты, где уже ничего не осталось.

Смех шёл не из зеркала. Он шёл отовсюду — из вентиляционной решётки, из труб под раковиной, из самой плитки на стенах, из воздуха. Он был везде. Внутри головы Виктора. Внутри его костей.

Он бросился к двери.

Руки дрожали, не слушались, скользили по металлической ручке, покрытой каким-то липким, холодным потом. Он дёрнул раз, другой — ручка не поддавалась, будто кто-то держал её с другой стороны. Он уже собрался ударить в дверь ногой, когда ручка повернулась сама.

Он рванул дверь на себя, едва не упав.

— Помощь нужна?

За его спиной стоял Петрович.

Завхоз, пятидесяти восьми лет от роду, вечно пьяный или с похмелья, но на удивление работоспособный. Он держал в руках разводной ключ — тот самый, которым чинил всё на свете, от протекающих кранов до сломанных стульев. Ключ был ржавым, с обмотанной синей изолентой ручкой — фирменный знак Петровича.

Завхоз смотрел на Виктора с туповатым, но искренним недоумением. На его лице не было ничего сверхъестественного — обычная лысина, блестящая под люминесцентной лампой, обычные заплывшие глазки, красные от недосыпа или перепоя, сигарета, вставленная в угол рта, уже погасшая, но всё ещё висящая на нижней губе. Запах махорки и смазки — тот самый запах, который ассоциировался у Виктора с детством, когда он помогал отцу в гараже.

— Всё нормально? — спросил Петрович, переводя взгляд с Виктора на дверь туалета и обратно. — Чего ломишься, как пожарный?

Виктор обернулся.

Это потребовало невероятного усилия — повернуть голову, заставить себя посмотреть в сторону зеркала.

Над раковиной, в зеркале, отражался только он сам — бледный, растрёпанный, с безумными глазами, в которых пульсировал животный страх. И часть спины Петровича — его синий рабочий халат, лысина, сигарета.

— Н-нет, — выдавил Виктор. Голос прозвучал тонко, как у подростка, у которого ломается голос. — Всё нормально. Просто плохо стало.

Петрович пожал плечами, беззвучно выдохнув струйку дыма из погасшей сигареты. Дыма не было, но Петрович всё равно выдохнул — привычка, въевшаяся в мышцы.

— Давление, — сказал он убеждённо. — У всех давление от этой конторы. Я в прошлом году на медкомиссии сто сорок на девяносто выдал, а врач говорит — работайте, помрёте — заменим. Вот такие дела.

Он помолчал, покрутил разводной ключ в руке.

— Отлежись, — добавил он наконец. — Возьми больничный. Скажи, что справку принесёшь. Кто тебя проверять будет?

И шаркнул дальше по коридору, позвякивая ключами и гаечными ключами в карманах халата. Каблуки его кирзовых сапог стучали по кафелю в ритме похоронного марша.

Когда шаги затихли, Виктор снова, с невероятным усилием, повернул голову к зеркалу.

Там было его лицо. Одно. Бледное, как мел, потное, с расширенными зрачками, в которых пульсировал животный страх. Он стоял так минуту, может, пять, наблюдая, как капли пота медленно сползают по его виску. Он ждал, что оно снова изменится. Ждал, что сейчас начнёт плавиться, искажаться, превращаться в бабуску или в то улыбающееся лицо из лифта.

Но оно оставалось его лицом.

Обычным, уставшим, смертным.

Виктор медленно выдохнул, прислонился лбом к холодной кафельной стене и закрыл глаза.

Вечером, в своей съёмной однушке на Светланской, Виктор сидел у окна, не включая света.

Владивосток шумел за грязным стеклом. Но это был не живой, тёплый гул мегаполиса, который слышится в Москве или Питере, — многоголосый, многослойный, напоминающий о том, что вокруг миллионы других жизней. Нет. Это был механический, отчуждённый рёв портового города. Сильные гудки паромов в порту — низкие, басовитые, как рёв китов. Рокот грузовиков, доносившийся с трассы, — тяжело гружёных, едущих куда-то на север или на запад, в Китай или обратно. Резкие крики чаек, больше похожие на детский плач — особенно жуткие в сумерках, когда не видно самих птиц, а только слышен этот надрывный, тоскливый звук.

Неон вывесок — «СУШИ», «БАР», «АПТЕКА» — лизал потолок его комнаты мертвенными розовыми, синими, зелёными отсветами. Они двигались по стенам, как живые, как щупальца подводных существ, пробующих на ощупь его вещи, его мебель, его самого.

Он держал в руках остывшую кружку чая, но не пил. Чай заварился ещё в семь, сейчас было почти одиннадцать, и на поверхности образовалась тонкая коричневая плёнка — окислившийся танин. Виктор смотрел на город, но не видел его. Он видел только зеркала. Зеркало лифта. Зеркало туалета. Тысячи осколков, которые ещё не разбились, но уже ждали своего часа.

Ему нужно было проверить.

Последняя надежда на цифру, на холодную логику кремния. На то, что телефон — а телефон не может врать, телефон просто фиксирует свет, объектив, матрица, пиксели — покажет правду. Ту правду, которую зеркала скрывали.

Достал из кармана телефон. Дешёвый китайский смартфон с потёртым чехлом — когда-то синим, а теперь серо-голубым, со стёртыми углами. Его пальцы были ледяными и влажными, хотя в квартире было тепло — батареи работали исправно, иногда даже слишком хорошо.

Он провёл по экрану, разблокировал его.

Иконки приложений были знакомыми, успокаивающими. Вот карты, вот почта, вот мессенджер, в котором уже три дня нет ни одного сообщения, потому что некому писать. Вот галерея, где хранятся скриншоты рабочих таблиц и случайные фото еды. Вот камера.

Он нашёл иконку камеры. Нажал.

Экран загрузился — сначала чёрный, потом изображение с задней камеры: тёмное окно, блики неона, грязное стекло, за которым угадывался город. Он нажал на иконку переворота камеры.

Фронтальная камера включилась.

На экране было лицо.

Старухи.

Та же, что и днём. Та же, что в зеркале туалета. Только теперь она была ближе — намного ближе. Виктор видел поры на её пергаментной коже — крупные, как кратеры на Луне. Видел желтоватую плёнку на глазах — ту, что бывает у людей с катарактой, которым уже не помогут никакие операции. Видел крошечные красные прожилки в уголках — лопнувшие сосуды, старые, зажившие, но оставившие след.

Её беззубый рот шевельнулся — медленно, неторопливо, как будто она пробовала воздух на вкус. Что-то беззвучно сказала. Виктор не умел читать по губам, но он понял. Потому что это были те же слова, которые он слышал в голове весь день. «Приди ко мне». «Ты мой». «Никуда не денешься».

Потом она снова растянула губы в той же ужасной, радостной улыбке.

Виктор издал короткий, сдавленный звук. Телефон выскользнул из одеревеневших пальцев, перевернулся в воздухе, сверкнув экраном в жёлтом свете уличного фонаря, и упал на пол экраном вниз.

Глухой пластиковый удар. И затем — из-под корпуса, из динамика — донёсся звук.

Смех.

Хриплый, отчётливый, не электронный, не записанный. Живой. Влажный. Каркающий, как воронье карканье, только ниже, гортаннее, старше. Смех существа, которое давно забыло, что такое смех, но помнит, как он должен звучать.

Этот звук разорвал последние нити в его сознании.

Он вскочил, опрокинув стул. Тот упал с грохотом, и в тишине квартиры этот звук показался выстрелом. Виктор огляделся — дико, бешено, ища взглядом опасность. Его глаза остановились на прихожей.

Там, в темноте, висело старое настенное зеркало в широкой деревянной раме. Наследство от прошлых жильцов — массивное, тяжёлое, с потемневшим стеклом, на котором почти

не видно отражения, если не подойти вплотную. Виктор никогда не любил его. Оно всегда казалось ему слишком большим для такой маленькой прихожей, слишком глубоким, будто за стеклом не стена, а целая комната.

Он не думал. Мыслительный процесс, который обычно занимал у него минуты, часы, сократился до нуля. Он действовал на чистом, белом адреналине страха — том самом, который выключает всё, кроме базовых инстинктов. Бей или беги. Он выбрал бей.

Он ворвался в прихожую, споткнувшись о порог, схватил со стола, где валялись ключи, зажигалка, мелочь и прочий бытовой хлам, тяжёлый слесарный молоток. Тот самый, оставшийся от попыток собрать шкаф два года назад. Шкаф так и не собрали — не хватило терпения и инструкции на китайском, но молоток остался. Лежал в ящике, ждал своего часа.

Рука не дрогнула.

Виктор подошёл к зеркалу. В темноте он видел в нём только смутный силуэт — свой собственный, расплывчатый, с поднятым молотком.

Он занёс руку. И зеркало вздохнуло. Тихо, едва слышно, будто от радостного предвкушения. Или от облегчения — наконец-то, наконец-то что-то произойдёт.

Молоток обрушился в самый центр. Звук был хрустальным, чистым, похожим на колокольный звон, только выше, тоньше. Стекло треснуло. Паутина трещин мгновенно поползла от точки удара во все стороны, разветвляясь, как корни деревьев, как кровеносные сосуды, как карта неизвестной страны. Трещины искажали отражение, дробили его на тысячи кривых осколков, которые всё ещё держались в раме, не падая.

Он бил снова.

И снова.

И снова.

С тихим, звериным рычанием, которое вырывалось из горла помимо воли. Он выбивал осколки из рамы, превращая гладкую поверхность в грудку острых, сверкающих в полумраке обломков. Они падали на старый линолеум с сухим, похожим на плач, звоном — каждый удар, каждый осколок сопровождался этим жалобным, детским звуком.

Он остановился, когда понял, что в раме не осталось ни одного целого куска стекла. Только пустота. Деревянная рама, за которой виднелась стена — старая, в мелких трещинах, с обоями в цветочек, которые клеил ещё предыдущий жилец.

Он тяжело дышал. Лицо было мокрым — от пота или от слез, он не знал. Он чувствовал на коже мельчайшие брызги стеклянной пыли, осевшие на щеках, на губах. На вкус они были металлическими.

Рука с молотком опустилась.

Он посмотрел вниз.

На полу, среди крупных и мелких осколков, лежали тысячи отражений. Острые края, сверкающие грани — каждый кусочек стекла жил своей жизнью, ловил свет уличных фонарей, блики неона, тени. И в каждом осколке, даже в самом крошечном, размером с ноготь мизинца, было лицо.

Его лицо.

Ночью Виктор не спал.

Он сидел на кухне, в темноте, прижавшись спиной к стене, чтобы ничто не могло подбаться сзади. Стена была холодной, ободранной — в этом доме никогда не делали нормального ремонта. Штукатурка крошилась, оставляя на одежде белую пыль. Виктор сидел, обхватив колени руками, и смотрел в одну точку на противоположной стене — туда, где висели старые кухонные часы с кукушкой, которая не куковала уже лет десять.

Он выбросил осколки.

Сначала он собрал их тряпкой — осторожно, чтобы не порезаться. Ссыпал в чёрный мусорный пакет, завязал узлом, чтобы ничего не выпало. Пакет он поставил у входной двери

— вынести сразу не решился, потому что боялся выходить. Боялся, что стоит открыть дверь, и он увидит в темноте подъезда что-то, от чего уже не убежать.

Пакет лежал у двери, и весь вечер, всю ночь Виктору казалось, что из-под чёрного пластика доносится тихое, стеклянное шуршание.

В темноте слышались шаги. Не в квартире. Они были глухими, приглушёнными — будто раздавались под полом, в пустотах между этажами, или над потолком, на чердаке. Тихие, шаркающие, неторопливые шаги. Иногда они замирали. И тогда Виктор слышал другое. За дверью квартиры, в подъезде, кто-то дышал. Ровно. Глубоко. Размеренно. Как спящий ребёнок — такое дыхание бывает только в глубоком сне, когда тело отдыхает и не контролирует себя. Но в этом дыхании была чудовищная, недетская мощь. Каждый вдох был как прилив — медленный, неумолимый, поднимающийся всё выше и выше, пока не захлестнёт с головой.

Виктор подкрадывался к двери. На цыпочках, стараясь не скрипеть половицами. Он припадал глазом к дверному глазку — маленькому, мутному, с искажающей линзой. В коридоре было пусто. Старые лампы на площадках давно перегорели, и коридор освещался только тусклым светом из окна на лестничной клетке. Серые стены. Серая лестница. Серая пустота.

Но дыхание не прекращалось. Оно было везде — в стенах, в полу, в самом воздухе. Оно будто просачивалось сквозь дерево двери, сквозь металл замка, сквозь резиновый уплотнитель. И каждый вдох был тише предыдущего, но ближе.

К трем часам ночи Виктор перестал подходить к двери. Он забрался на кухонный стол — почему-то ему показалось, что на полу опаснее, что по полу может что-то приползти, а на столе, среди грязных тарелок и крошек, он в безопасности. Он свернулся калачиком, положив голову на сложенные руки, и закрыл глаза.

Он не спал. Он провалился в полудрёму — то состояние, когда сознание ещё работает, но уже не различает, где реальность, а где сон. В этой полудрёме ему снились зеркала. Миллионы зеркал, бесконечные коридоры из зеркал, и в каждом — лицо. Не его. Чужое. Улыбающееся.

Когда первые лучи серого, влажного рассвета пробились сквозь грязное окно, Виктор поднялся. Всё тело болело — спина затекла от неудобной позы, шея не поворачивалась, глаза жгло, будто в них насыпали песка. Ноги были ватными, не слушались. Он сполз со стола, нашарил на полу тапочки и пошёл к балкону.

Балкон был маленьким, вжатым между бетонными стенами дома. Вечно заваленный хламом, который Виктор обещал выбросить «на следующей неделе» уже полгода. Старый стул на трёх ножках, ящик с инструментами, пустые бутылки из-под пива, которые он копил, чтобы сдать, но так и не сдал.

Он облокотился о холодные перила. Металл обжигал ладони утренним холодом. Он вдохнул воздух — сырой, солёный, пахнувший морем и выхлопными газами, и попытался почувствовать себя живым.

Улица внизу уже кишела людьми. Утренний поток — тот самый, который Виктор сам ещё час назад должен был бы возглавить, если бы не вчерашнее. Люди в деловых костюмах с портфелями, люди в куртках и наушниках, женщины на каблуках, которые бежали, не глядя по сторонам, курьеры в ярких жилетах на велосипедах, старушки с тележками на колёсиках.

Виктор посмотрел вниз. И мир окончательно съехал с оси. Все лица внизу — все без исключения — были его лицами.

Мужчины в деловых костюмах — его овал лица, его брови, его нос с горбинкой, которую он ненавидел. Женщины в пальто — его глаза, его губы, но с густо наложенной косметикой, с яркой помадой, с подведёнными стрелками. Курьеры в ярких жилетах — его щетина, его морщинки у глаз, его выцветшие карие радужки. Старушки с тележками — его лицо, избородженное глубокими морщинами, которых у него ещё нет, но которые уже ждут своего часа.

У одного из мужчин была лысина — точно такая же, какая начала намечаться у самого Виктора, только зашедшая дальше. У другого — пышная шевелюра, какой у Виктора не было

никогда, даже в молодости, но форма черепа, расположение ушей, линия скул — всё было его. У одной женщины — его лицо, но с увеличенными губами, с накачанными филлерами, которые делали рот похожим на утиный клюв. У старика — его лицо, состаренное на сорок лет, с пигментными пятнами и сосудистыми звёздочками.

Они шли. Разговаривали по телефону. Смеялись. Курили. Пили кофе из бумажных стаканчиков. Спорили. Плевали на асфальт. И никто из них не замечал, что у них одно лицо на всех. Никто не видел, что они — копии. Множество копий без оригинала.

Виктор вцепился в перила так сильно, что костяшки пальцев побелели.

«Это сон, — сказал он себе. — Я сплю. Я упал в обморок на кухне, и теперь мне снится кошмар. Скоро прозвенит будильник, и я проснусь».

Он зажмурился. Сильно. До боли. До вспышек под веками. Открыл.

Лица внизу не исчезли.

И в какой-то момент, будто по сигналу, все они — сотни, тысячи Викторов — одновременно подняли головы и посмотрели на него. На его балкон. На одинокую, бледную, невыспавшуюся фигуру в помятой домашней одежде, со всклокоченными волосами и запавшими глазами.

И все улыбнулись. Той самой широкой улыбкой, обнажающей идеальные белые зубы, которой он впервые увидел в зеркале лифта.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.